

Ячейка одной из американских групп по изучению идиша

Хотите понравиться и прийтись ко двору в компании, говорящей на идише? Тогда на вопрос «говорите ли вы на идише» ни в коем случае не отвечайте: *йо* («да»). Невозможно для еврея вот так просто ответить. Не рекомендуется и реагировать вопросом на вопрос: *ци рэд их идиш?* («говорю ли я на идише?»), как вроде бы принято у евреев. Вот если вы бесхитростно заметите: *алевай волтн але азой геред* («чтобы все так говорили, как я»), то сразу продемонстрируете владение не только словарем, но и духом нашего языка. Ведь идиш такой язык, что стоит вам открыть рот и обязательно найдется кто-нибудь, кто скажет, что вы говорите неправильно. Поэтому смело отвечайте, что никто не только не говорит на идише, как вы, но и никогда не будет. Этот и другие советы дает Майкл Векс в своей замечательной книге «Жизнь как квеч».

«В Израильской империи еврейских букв скрывается Народная республика

еврейской литературы и культуры на идише», — писал американский лингвист Гилель Галкин. Казалось, что расцвет этой республики давно в прошлом. В стремительно американизирующемся сверху и арабизирующемся снизу Израиле становится все меньше и меньше очагов культуры на идише. Когда-то идиш владел улицей даже в первом «ивритском городе» в разгар сионистской революции. Даже арабы из Яффо приняли его как универсальный язык общения со своими еврейскими соседями. Старые арабы Газы пытались говорить на идише с израильскими солдатами, занявшими сектор в ходе Шестидневной войны 1967 года.

В тель-авивском Доме писателей им. Левика до сих пор держится небольшой гарнизон Народной республики идиша. Помню, как здесь отмечали 100-летний юбилей Мордехая Цанина — легендарного основателя и редактора идишистской газеты «Лейтце найес». Всю свою долгую (102 года!) жизнь Цанин был несгибаемым борцом за культурное самоопределение идиша в Израиле. Его травили, над ним издевались. Ретивые борцы за торжество иврита ловили и избивали на улицах распространителей его газеты. Среди его врагов был и всесильный Давид Бен-Гурион — первый премьер-министр Израиля.

לעצטע ניינט

אומפאַרטייאישע צייטונג
פאַר ווירטשאפט
פאַליטיק און קולטור
רעדאַקטאר: מ. צאַנין

רח' הרכבת 52, תל־אביב ת.ד. 28026 טעל. 370011 פאקסימיליה 5371921	נומ. 11.314 (42־טער יאַרגאַנג)	מאַנטיק 24־טער יוני 1991 י"ב תמוז תשנ"א	פריז 2.10 ש"ח (אין אילת 1.78)

Газета «Лейтце найес»

Вопрос о «Лейтце найес» рассматривался на заседаниях правительства. Большинство тогдашних министров по-прежнему думали на своем родном языке — идише — и не спешили прямо запрещать газету. Да и зачем, если можно обложить ее непомерным налогом, как иностранные СМИ, если в

школах детей штрафуют за разговоры на маме лошн, если за идиш грозит исключение из всемогущего Гистадрута, что чревато потерей работы и медицинской страховки.

В 1949 году правительство разрешило Цанину выпускать еврейскую газету один раз в неделю, да и то под надзором военной цензуры. «Если родители говорят по-немецки или по-венгерски и читают газеты на этих языках, то они выучат иврит у своих детей, — заявлял министр внутренних дел Исраэль Роках. — Идиш — нечто другое. Он представляет неизмеримо большую опасность для иврита». Кампанию против идиша поддержал министр почт и телеграфа Иосиф Бург, представлявший национально-религиозную партию МАФДАЛ. На идеологический призыв откликнулись видные поэты Леа Гольдберг и Натан Альтерман, актер национального театра «Габима» Шимон Финкель и другие.

В Израиле выходили тогда восемь газет на иностранных языках — «Джерузалем Пост» по-английски, «Л’эко д’Исраэль» — по-французски, «Йедиот хадашот» — по-немецки, венгерская «Уй келет» и другие. Газете на идише выделили лимит бумаги, достаточный лишь на три выпуска в неделю. Попытки увеличить периодичность решительно пресекла полиция, несколько раз «наезжавшая» на редакцию. Тогда, в 1953-м, Цанин, совершенно в духе легендарного еврейского «иванушки-дурачка» Гершеле Остополера, получил лицензию на выпуск второй газеты, выходившую в дни, когда не печаталась первая. И дабы продемонстрировать, что речь идет об одном и том же издании — он печатал в них роман с продолжением — то в одной, то в другой. Читатели знали об этом и молчали. Молчали и власти, и лишь в 1957 году разрешили выход ежедневной газеты.

Зато армия, покупавшая его газету для солдат — в основном, уцелевших в Холокосте новых репатриантов — отказалась от подписки из идеологических соображений.

Цанин прожил интересную жизнь. Родился в Польше, до Второй мировой был активистом БУНДа и мечтал стать еврейским писателем. В 1940-м через СССР попал в Китай, а вскоре оказался в Палестине, где занялся коммерцией. Для владельца гостиницы Цанина еврейская газета и поэзия на идише были страстью, а не заработком. Он автор почти сорока книг — романов, стихов, воспоминаний и дневников, составитель лучшего идиш-ивритского словаря и

неустанный защитник идиша от произвола израильских властей.

Мордехай Цанин в молодости и в зрелые годы

В августе 1949 года Совет по цензуре при Министерстве внутренних дел запретил все местные труппы, игравшие на идише. Исключение делалось лишь для зарубежных гастролеров, да и тем разрешалось выступать лишь в центрах абсорбции и лагерях репатриантов. Министерство образования в свою очередь выпустило грозное постановление: «Театр является второй школой, и постановки на чужих языках вредят образованию на иврите». Выдающиеся идишистские сатирики Шумахер и Дзиган, тоже объявленные вредителями, лишились работы. Они вернулись на сцену лишь несколько лет спустя, пообещав включить в репертуар «идеологически выдержанные» скетчи на иврите.

В том же 1949 году власти запретили частный театр им. Гольдфадена в Тель-Авиве, пытавшийся обойти постановление властей. Когда труппа при содействии нескольких меценатов все же стала играть вопреки запрету, то полиция разогнала спектакль и пригрозила арестовать актеров. Подобно другим гонителям идиша, израильское правительство хорошо понимало, что

без школ обрекает эту культуру на смерть. Однако, даже лишив возможности учить детей родному языку, сионистский истеблишмент Израиля продолжал бояться идиша.

Идиш преследовали не только в Израиле. В конце 1960-х сионистские эмиссары убедили ведущие еврейские организации Северной Америки свернуть в еврейских школах преподавание на идише и перейти на иврит. Иврит не стал языком еврейского народа в диаспоре в целом, и в Америке в частности. Зато идиш, который дети слышали дома, изгонялся как устаревший пережиток. Сегодня многие уверены, что кризис еврейской идентичности, переживаемый американским еврейством, — во многом следствие принятых в 1960-е годы радикальных решений.

«В еврейской языковой войне …произошла схватка между двумя культурно-политическими концепциями еврейского будущего, одна из которых представлялась катастрофически неверной. В конце концов, идишизм был радикально ампутирован из еврейской народной жизни и еврейской истории», — писал в свое время Гилель Галкин. Его не смущает, что «ампутация» проводилась сионизмом сразу после уничтожения европейского еврейства и проводилась по живому, а уцелевшие в Холокосте ощущали себя обворованными, потеряв культуру на родном языке. Координатор Фонда Спилберга на Западной Украине Юлий Штернберг рассказывал мне:

«Для вернувшихся из эвакуации во Львов в 1946 году артистов Еврейского театра главным потрясением стало исчезновение идиша со львовских улиц. Мужчины запили. Ида Каминская (великая актриса, руководитель театра) не могла избавиться от депрессии, уходила из театра и бродила по опустевшим улицам, где когда-то бурлила еврейская жизнь… И речь не только о театре. Уничтожение еврейских врачей привело к росту заболеваемости детей на 60%… падению успеваемости, обеднению языка местного населения…»

Евреи в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном. На баннере надпись на идише: «Мы хотим вернуться в свой дом, в Землю Израиля», 1945

Уинстону Черчиллю приписывают крылатую фразу о том, что «историю пишут победители». Развитию идиша и его широкому распространению сегодня мешают три стигмы в еврейском общественном сознании. И первое клеймо — идиш якобы слишком левый. Это в значительной мере связано с интернациональным, социальным и гуманистическим направлением традиционного идишизма, выраженного в идеологии и деятельности БУНДа.

Сегодня побежденный идишизм необычайно привлекателен для всех защитников гуманизма, прав женщин, мультикультурализма, терпимости к этническим, религиозным и сексуальным меньшинствам. Он притягателен для многих светских евреев и тех, кто не приемлет воинствующий национализм и фундаментализм, угрожающих традиционному еврейскому разнообразию.

Интерес к идишу растет в кругах левой и либеральной интеллигенции. Им импонирует традиционное миролюбие ашкеназского еврейства, выраженное известной фразой нобелевского лауреата Башевиса Зингера о том, что в идише нет слов для обозначения войны.

Активистам идиша, пытающимся попасть в мейнстрим организованного еврейства, такая поддержка кажется вредной. «В наши дни евреи (и неевреи), ратующие за дело геев и лесбиянок, за феминизм и неотроцкизм, свободно ассоциируют свои чувства несправедливости с делом идиша, — писала еще 20 лет назад профессор Гарвардского университета Рут Виссэ в консервативном журнале Commentary. — Таким образом, они совершают двойной грех. Отожествляя себя с идишем, они подрывают моральность и преемственность идишистской культуры и, превознося ценность слабости, задним числом возводят поклеп против еврейской воли жить и процветать».

Идишизму нет места в современной еврейской активности, базирующейся на трех китах: увековечении памяти о Холокосте, борьбе с антисемитизмом и поддержке Израиля.

К тому же у многих еврейских лидеров идишизм вызывает инстинктивное отторжение, а то и отвращение своей связью с эмигрантским прошлым. Успешные и состоятельные дети и внуки эмигрантов они еще не изжили комплексы и страх «быть не как все». В глубине души здесь не перестают стесняться своего еврейства.

Идиш на нью-йоркских улицах, 1920-е

Поэтому религиозный полюс идишистского спектра тоже не устраивает современное организованное еврейство — на этот раз своей «излишней правизной». Ведь идиш еще ассоциируется с миром местечка, харедим и хасидов. Звуки идиша в Израиле неизменно вызывают у аудитории инстинктивный нервный, чуть растерянный смешок.

Еврейский истеблишмент в Америке, да и в диаспоре в целом, настроен враждебно к говорящему на идише религиозному еврейству. Среди многочисленных исследований нет ни одного, исследующего причины страха перед тем исконно еврейским, что символизирует идиш, и инстинктивного нежелания выглядеть как-то связанным с ним. Не удивительно, что большинство современных евреев предпочитают бороться за еврейство, а не быть евреями в любой из множества существующих сегодня форм.

Третья стигма связана с состоянием самого идиша. «Принято считать, — пишет Довид Кац, — что идиш «слишком мертвый» и интерес к этой культуре сродни извращенной культурной некрофилии. — Слишком левый, слишком правый, слишком мертвый — три клейма приклеились к идишу, три стигмы мешают нормальному его развитию». При этом Кац не замечает, что обозначенные им стигмы на самом деле легко превращаются в достоинства, способствующие если не ренессансу, то сохранению идишистской культуры.

Оттенок экстремизма придает идишу элитный респект, а это способно привлечь как раз лучших — как в правых, так и в левых кругах. Радикальная левизна присуща людям молодым, творческим и ищущим. Они уже не помнят «позорной, затхлой местечковости», связанной с идишем у старших поколений. В университетских аудиториях и творческой среде сформировалась сильная группа, считающая идиш «крутым» и модным.

Не стоит бояться, что многие из этих адептов идиша весьма радикальны, а прописные еврейские истины мало о чем им говорят. Не страшно, что они солидаризуются с радикальными постмодернистскими идеями вроде неотроцкизма, квир-теории или иудо-буддизма. Не стоит отталкивать их лишь потому, что многие здесь не знают и не учат идиш, а лишь рассуждают о его красоте. Такие любители делают полезное дело. Ведь любование идишем порождает интенсивную творческую работу, попытки передать свои ценности и саму душу народа через перевод.

В то же время в ортодоксальных еврейских кругах наблюдается интересная картина идишизации. Идишем пронизан своеобразный диалект студентов религиозных учебных заведений. В Северной Америке он даже приобрел название фрумспик — от *фрум* (набожный, — идиш) и английского *speak* — речь.

Три кита, на которых сегодня стоит мир еврейской activity, стремительно теряют свою устойчивость. Антисемитизм все меньше пугает молодое поколение, выросшее в западном плюралистическом обществе. Память о Холокосте стала чем-то повседневным, вошла в школьные программы и хрестоматии, что, как известно, способно убить любую идею. Поддержка Израиля — когда-то наиболее сильный объединяющий фактор еврейского народа, теперь грозит расколоть евреев. Зато в современном

многокультурном мире стигмы и слабость идишистской культуры делают ее привлекательной для молодого поколения.

Плакат на идише, Бруклин, Нью-Йорк

Нельзя сказать, что между правыми и левыми идишистами существует гармония, не говоря уж о симпатии. Они даже говорят на разных идишах. «Правые» религиозные евреи используют различные народные диалекты еврейского языка, в основном венгерский и литовский. «Левые» и университетские идишисты пользуются стандартным, но искусственным *клал-шпрех*, созданным в начале XX века. Даже правописание у них разное. Но в обеих группах идиш из простонародного, презираемого «жаргона» становится маркером престижа.

Интересно, что в еврейской истории уже была аналогичная ситуация. Величайшее произведение еврейской мысли — Талмуд — создавался в течение почти 600 лет на имевшем хождение по всему Ближнему Востоку разговорном арамейском языке. Однако к VII веку, когда составление Талмуда близилось к завершению, еврейский народ перестал говорить по-арамейски. Даже библейские тексты приходилось переводить на арабский язык. Однако

арамейский не исчез. Пирамида перевернулась, и из простонародного разговорного наречия арамейский стал престижным, доступным лишь ученой элите языком.

Как раз в Израиле, где решительно боролись с идишем среди *широких масс*, идишистская культура как код образованной элиты никогда не вызывала сопротивления. В начале 1950-х годов завершилась успехом борьба за создание кафедры идиша в Еврейском университете в Иерусалиме. Сионистский истеблишмент поддержал и идею элитного ежеквартального литературного журнала «Ди голдене кейт». Издание было основано в 1948 году и поддерживалось Гистадрутом почти полвека.

«Слишком мертвый» идиш уже не так страшен сионизму и не угрожает затаенным комплексам мечтающих «стать как все» евреев диаспоры. В сознании молодежи идиш больше не ассоциируется с местечковостью. Да и само еврейское местечко идеализируется. Его яркие типажи деклассированных «людей воздуха» утратили свой резко негативный смысл.

Должен признаться, что я сам долго был в плену идеи о неизбежном и естественном конце идиша. И верил, что это неизбежное следствие исчезновения феномена еврейского местечка, потерявшего экономический и социальный смысл. Я писал, что Холокост, сталинские погромы и культурная война сионизма против еврейской культуры на идише лишь ускорили шедший без того естественный процесс. Но позже понял, что идиш не связан с местечком, как и украинский язык не связан с селом. Идиш ушел в города где, несмотря на трудности и гонения, Международная республика идиша держала оборону. Идиш продолжает возбуждать страсти и вызывать споры. Умер-шмумер, — говорили наши деды, — главное, чтобы был здоров.

Михаэль Дорфман